
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIV

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 130-летию монголоведа, публициста, дипломата,
академика АН СССР Ивана Михайловича Майского (1884—1975)

St. Petersburg
2015

А. Г. Юрченко

«300 золотых поясов» в монгольском имперском контексте

В 1331 г. в Новгороде случился тяжелый конфликт между немецкими купцами и местными жителями. Ситуация описана в донесении немецких ганзейских купцов в Ригу. Сохранился оригинал этого документа. В нем имеется выражение «300 золотых поясов» (*нем.*: CCC guldene gordele). Так обозначена некая авторитетная группа, представитель которой мог разрешить конфликт. По мнению историков и филологов, «300 золотых поясов» — это фигура речи, указывающая на новгородскую элиту в целом. Проблема заключается в том, что выражение «300 золотых поясов» более не встречается в письменных источниках, а золотые пояса при раскопках в Новгороде не обнаружены. Загадка «300 золотых поясов» с заданной установкой, что это внутренняя (городская) группа, не имеет убедительного ответа.

В таком случае, следует рассмотреть гипотезу, а именно, что «300 золотых поясов» были внешней по отношению к Новгороду группой. Полагаю, что речь идет о трехстах наместниках хана Узбека (1312—1341), под чьим контролем находилась территория Золотой Орды от Дуная до Ургенча и от Крыма до Булгара. Сам факт числового обозначения группы указывает на представителей элиты, над которыми возвышается хан, собственно, и вручивший им эти пояса. Практика раздачи золотых поясов имела место при всех монгольских дворах. Золотые воинские пояса были элементом имперского ритуала — единственного инструмента, с помощью которого монголы выстраивали вертикаль власти. В монгольском Иране документирован ежегодный ритуал раздачи трехсот золотых поясов. И в этом случае речь идет о наместниках ильхана, облеченных властными полномочиями. Таким образом, два косвенных аргумента (монгольский имперский ритуал и многочисленные находки золотых поясов) позволяют настаивать на том, что «300 золотых поясов» — не риторическая фигура, а вполне реальная институция.

Ключевые слова: Новгород, Ганза, «300 золотых поясов», хан Узбек, монгольские золотые пояса, курлтай, дворцовый ритуал, наместники, XIV в.

В истории отношений Новгорода с Ганзейским союзом имеется загадочный эпизод. Собственно, загадочным выглядит выражение «триста золотых поясов» в контексте бытового конфликта. Какую социальную группу в XIV в. могли именовать «триста золотых поясов»? Убедительного ответа на этот вопрос нет по сей день. Интерес к вопросу проявили только исследователи истории средневекового Новгорода. Их усилиями загадочное обозначение было сведено к масштабу одного единственного города — Новгорода. Те, кто занимается историей Золотой Орды, не обратили на этот сюжет ни малейшего внимания, тогда как, на мой взгляд, в сюжете скрыта главная интрига XIV в.

Благодаря исследованию П. В. Лукина мы имеем возможность познакомиться с новым переводом и анализом любопытного документа ([Лукин, 2010. С. 266—291]; историографию вопроса см.: [Чебанова, 1999. С. 169—179]). Речь идет о донесении немецких ганзейских купцов в Ригу. Пергаменный оригинал документа 1331 г. хранится в Риге, в архиве Латвийской Республики. В донесении говорится о конфликте между немецкими купцами, находившимися в Новгороде, и местными жителями. В потасовке был убит русский. Новгородское вече затребовало с немцев выдачи виновных. Немецкие купцы

выдали им предполагаемого убийцу, предстали перед тысяцким и заплатили истцу 80 гривен серебра. Новгородцы же заявили, что хотят получить 50 человек. На следующий день они запросили с немецких купцов две с половиной тысячи гривен за бесчестье, получили 40 гривен и воспылали гневом. Требуемая сумма была непомерной. И тут в конфликт вмешался персонаж, чьи слова о неких людях, обозначенных им как «300 золотых поясов», являются для нас исторической загадкой. Вот что говорится в донесении:

«Тем же вечером тогда пришел некто по имени Борис Сильвестров сын и говорил, что его послали 300 золотых поясов; что у великого Новгорода есть достаточно имущества, они не хотят имущества, но они хотят получить 50 человек, [имена] которых они записали. ... Тогда было ему предложено по необходимости 100 гривен серебра, так как больше мы не смогли, и предложили, чтобы он это сказал тремстам золотым поясам, которые его послали, и чтобы он представил наше дело наилучшим образом, [за что] мы хотели ему дать фиолетовое платье. С этим он ушел отсюда» [Лукин, 2010. С. 272—273].

Что это за группа — «300 золотых поясов» (*нем.*: CCC guldene gordele), от имени которой в переговорах участвует независимый от вече некий Борис

Сильвестров сын? В самом донесении не разъясняется, что это за триста золотых поясов, не упоминаются они и в русских источниках, что гарантирует неразгадываемость сюжета. Как результат, на поверхности множество неаргументированных интерпретаций.

По мнению П. В. Лукина, «300 золотых поясов» были новгородской элитой в целом и «скорее принадлежали сфере политической риторики, чем сфере политической практики» [Лукин, 2010. С. 266]. Из исследовательских споров отметим несколько существенных моментов. В немецком документе фигурирует новгородское вече (*dinc*), и ясно, что «300 золотых поясов» нельзя отождествлять ни с вече, ни с «советом господ». Посол от «300 золотых поясов» Борис, сын Сильвестра, не был ни послом от «господ», ни послом от веча. «300 золотых поясов» фигурируют только в изложении событий в донесении в Ригу, в проекте русской грамоты — официальном документе, который должен был быть скреплен крестоцелованием, они не упоминаются. Отсюда вывод П. В. Лукина: загадочные «300 золотых поясов» — это фигура речи. На мой взгляд, отсюда следует другой вывод: «300 золотых поясов» были внешней по отношению к Новгороду группой. К тому же в представлении немецких купцов это была чрезвычайно влиятельная группа, иначе зачем немцам просить посла представить их дело наилучшим образом. Вручение посланнику фиолетового платья нельзя считать риторическим жестом. Да и сумма вознаграждения в сто гривен говорит о серьезности ожиданий купцов.

Из текста донесения вытекает еще одно важное обстоятельство. Поскольку авторы послания не разъясняют своим рижским адресатам, кто такие «300 золотых поясов», то это означает, что в 1331 г. и ганзейские купцы, и новгородцы знали, о ком идет речь. То, что было очевидным для участников конфликта, для нас является загадкой. Поскольку исторические источники не дают прямого ответа, следует заняться поиском новых контекстов. Не в последнюю очередь на смену парадигмы наталкивает блестяще изложенная историография вопроса, демонстрирующая его нерешаемость в рамках общепринятых методик.

В дискуссии о новгородском вече П. В. Лукину был задан вопрос специалистом по немецкой филологии Е. Р. Сквайрс: «Вы допускаете, что „300 золотых поясов“ не было выражением, которое пришло из русского языка в процессе перевода, и что оно могло происходить из какого-либо другого жанра немецкой словесности, например фольклора» [Споры, 2012. С. 95]. Последовал ответ П. В. Лукина: «У нас нет возможности сравнить с чем бы то ни было. Фактически мы располагаем только одним конкретным документом. Это явление, по-моему, нельзя объяснить каким-то иным способом. Мы вынуждены исключить вероятность того, что „300 золотых поясов“ были чем-то вроде политического института» [Споры, 2012. С. 95]. В ходе этой же дискуссии М. М. Кром отметил: «Надо признать, смысл выра-

жения остается неясным. Пожалуй, самое важное... состоит в том, что на единственном упоминании нельзя основывать никакой серьезной теории, делать далеко идущих выводов. Было ли это риторической фигурой? Сомневаюсь, потому что, опять же, это единственное упоминание» [Споры, 2012. С. 93].

Немецкий документ был опубликован в 1331 г. Простой ответ на загадку «300 золотых поясов» был предложен К. Э. Напьерским в 1868 г. Так, А. И. Никитский полагал, что 300 золотых поясов — это представители сената: «В немецких известиях сенат называется „советом бояр“, а в русских (если только мы не обманываемся в источнике) — „думою“»; золотые пояса служили совету бояр внешним отличием [Никитский, 1869. С. 299—300]. Аргументов в защиту этого суждения не последовало. Опирающихся на миниатюры, средневековые тексты или археологические артефакты доказательств, что новгородские бояре носили золотые пояса, нет. Однако это не смущает авторов гипотез. Точно таким же образом А. В. Арциховский отметил, что в Новгороде члены совета господ фигурируют в ряде документов как триста золотых поясов [Арциховский, 1970. С. 294]. Археолог В. В. Мурашова, со ссылкой на статью А. И. Никитского, пишет: «Драгоценные пояса были принадлежностью не только княжеского костюма. Широко известны сообщения 1331 г. немецких послов в Новгороде о 300 „золотых поясах“, составляющих главный орган Республики» [Мурашова, 2000. С. 80]. Круг замкнулся. Неаргументированное предположение превратилось в общепринятое мнение. На этом фоне, казалось, свежо прозвучало умозаключение П. В. Лукина о том, что «300 золотых поясов» органом власти в Новгороде не являлись [Лукин, 2010. С. 287]. Но поскольку выйти за пределы «новгородского контекста» исследователь не смог, то 300 золотых поясов, признанные им элитарной группой, в итоге были отнесены к сфере политической риторики. Призыв же Е. Р. Сквайрс обратиться к немецкому фольклору — путь в тупик.

Вскоре П. В. Лукин вновь возвращается к поиску аргументов, подтверждающих, что 300 золотых поясов — это боярская элита в целом. Трудность заключается в том, что археологических находок золотых поясов XIV в. в Новгороде не зафиксировано. Является ли аргументом единственная находка, датированная XII в.? «Золотые (точнее с позолоченными украшениями) пояса в Новгороде действительно были, — пишет П. В. Лукин, — В ходе раскопок в слое, датированном 30—70-ми годами XII в., обнаружена литая медная позолоченная пряжка очень тонкой работы. Это был элемент мужского поясного набора, безусловно, принадлежавшего представителю новгородской элиты» [Лукин, 2012. С. 167]. Автор ссылается на исследование М. В. Седовой [Седова, 1981. С. 144, 146, 147], которое, на мой взгляд, никоим образом не подтверждает его гипотезу, ибо аналогии этой находке обнаружены в кочевнических древностях и в мавзолее XIV в. в Увее, т. е. принадлежат культуре Золотой Орды. То же самое можно сказать

о кожаных поясах с бляшками, найденных в Новгороде [Горелик, 2008. С. 123].

Ответ на загадку «300 золотых поясов» существует. В XIV в. на политическом пространстве от Балтийского до Черного моря была единственная государственная институция, в практике которой имела место раздача золотых поясов. Это кочевая ставка монгольского хана. Конфликт в Новгороде произошел в 1331 г. В это время в Золотой Орде правил хан Узбек (1312—1341).

Поскольку «новгородский» контекст полностью исчерпан, я предлагаю рассмотреть загадку «300 золотых поясов» в монгольском имперском контексте. Однако на этом пути нас ждет та же самая трудность — отсутствие письменных источников, как внутренних, так и внешних, где бы описывалась политическая жизнь ханского двора. Археологические находки на ордынской территории поясов с золотой и серебряной garniturой ситуацию не спасают, поскольку единственным приемлемым доказательством были бы сведения письменных источников о вручении ханом золотых поясов своим наместникам числом 300 человек. Таких свидетельств в истории Золотой Орды нет, поскольку вообще нет никаких исторических свидетельств о системе управления кочевой ордой и подвластными земледельческими территориями. Однако для монгольского Ирана, чья история надежно документирована, такое свидетельство имеется. Разумеется, было бы крайне опрощено ставить знак равенства между «300 золотыми поясами» немецкого документа и «300 золотыми поясами» персидского свидетельства о курултае в ханской ставке в Уджане. Тем не менее я намерен показать типологическое сходство между ними. В нашем распоряжении имеется также несколько случайных упоминаний золотых поясов у русских и армянских князей, вовлеченных в орбиту монгольской политики. Все перечисленные сведения о золотых поясах при желании можно рассматривать как фрагменты утраченной ныне цельной картины. Картина обретет смысл, если ее содержательным аспектом станет ритуал. Пространством, где царил ритуал, был ежегодный монгольский *курултай*, букв.: ‘съезд знати’. В дальнейших размышлениях праздничные церемонии курултая, с награждениями участников и пирами, и будут искомым новым контекстом.

Структурируя имперское пространство, монголы попытались разъединить политические и религиозные институты, однако нет уверенности, что этот план был адекватно воспринят местными элитами. Участие в монгольских курултаях мусульманских правоведов и шейхов, русских митрополитов и католических миссионеров, а также князей и наместников символизировало начало эпохи имперской утопии. Религиозные лидеры являлись на курултай в традиционном облачении, а светские правители для церемонии облачались в монгольский костюм. Полагать, что эта декоративная конструкция держалась только на насилии, — значит, недооценивать ее глубинные основания. Только тот, кто облачился в мон-

гольский костюм, был интегрирован в имперские структуры (независимо от его вероисповедания). Спрашивается, на кого была рассчитана визуальная пропаганда монгольской идеологии? Адресатом были представители родовой знати, подчинившейся монголам и обязанной подтверждать свой статус на ежегодных курултаях. По сценарию курултай строилась как визуальная демонстрация монгольской мощи. Непременное присутствие на этих торжествах чужеземной знати символизировало имперский космос.

В июне 1334 г. в кочевой ставке хана Узбека на Северном Кавказе состоялся курултай [Юрченко, 2011. С. 211—220]. Ежегодный курултай был приурочен к празднованию середины лунного года, главной дате в монгольском имперском календаре [Юрченко, 2013. С. 33—39]. Суть события заключалась в сборе в определенный день и в определенном месте всей элиты с единственной целью: продемонстрировать наличие и незыблемость иерархии, на вершине которой находится хан. Поддержание системы соподчинения было единственной альтернативой хаосу и усобицам. Праздник зримо воплощал жизненную силу одного из правил (*биликов*) Чингис-хана: «Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингис-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своей юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упавшему в глубоководную воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, и тот и другой бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 260]. На праздник в июне 1334 г. собрались те, кто годились в предводители. В монгольской концепции управления важное место отводилось личному обязательству перед правителем, а легитимность последнего подтверждалась его военными успехами и харизмой. Смысл курултая заключался в регулярном возобновлении статусов. Это был одномоментный акт для всей заинтересованной властной группы. Подтверждая свой статус, участники курултая подтверждали статус хана. Другого инструментария для проверки жизнеспособности монгольской системы власти просто не существовало.

Благодаря случайному свидетельству марокканского путешественника Ибн Баттуты нам известны подробности курултая 1334 г. Торжественная церемония была развернута на летних пастбищах Северного Кавказа. Кочевая аристократия предстала со своим военным окружением. Семнадцать темников хана Узбека получили наградные халаты. В чем заключалась суть церемонии вручения халатов темникам? На ежегодных праздниках, дублировавших ход коронации, подтверждалась присяга верности хану. О раздаче золотых поясов Ибн Баттута не сообщает. Во время пира он находился в шатре с мусульманским духовенством. Таков дискурс этого источника, это не официальный отчет о мероприятии, а рассказ наблюдателя, не посвященного в тайны кочевого

двора. Тем не менее у нас появляется основание говорить о курултае как о государственном институте в правление хана Узбека. Ниже будет показано, что раздача халатов вкупе с золотыми поясами была неотъемлемой частью праздничного сценария курултая. Таким образом, оформляется новая гипотеза, согласно которой при хане Узбеке действовал институт наместников числом триста человек, названных в немецком документе «300 золотыми поясами». На большем я не настаиваю.

В письменных источниках упоминаются наместники хана Узбека в Хорезме и Крыму. Невозможно показать, что число всех наместников в Золотой Орде приближалось к тремстам. Тем не менее это единственный приемлемый ответ на загадку немецкого донесения 1331 г., удовлетворяющий простому критерию: «300 золотых поясов» обладали реальной властью (ибо это была власть монгольского хана Узбека), были внешней силой относительно Новгорода и Ганзейского союза и не нуждались в специальном представлении даже купцам в Риге.

Теперь подробнее о монгольском ритуале и золотых поясах как символах власти.

Что делает костюм, элементом которого является пояс, имперским символом? Ответ очевиден — наличие политической иерархии, чье функционирование предполагает прозрачную систему кодов. Чингизиды, прошедшие ритуал интронизации, обретали титул *каан* и право носить особую одежду. Костюм был имперской униформой, тиражированным символом, который читался в определенной знаковой системе. Вне знаковой системы символ мертв. Только в ритуале вещи обретают ценностные смыслы. Ритуал оформлял отношения соподчинения, а диктовались они реальным военным превосходством монголов. Монгольские ханы контролировали огромные территории, располагая как военным, так и символическим ресурсом. Визуализация корпоративных признаков (халат, пояс, прическа) имела для монголов решающее значение. Сегодня представление о знаковой имперской системе могут дать только тексты и миниатюры имперского характера.

Размышления этнографов о функции пояса в традиционной культуре не имеют касательства к заявленной теме о роли пояса в системе власти кочевых империй. Поясню эту мысль. Поскольку наборный пояс есть воинская регалия, то он указывает на формирование иерархических структур. У тюрков эпохи каганатов наборные воинские пояса имели ярко выраженную социальную символику [Добжанский, 1990. С. 74—80; Комар, 2005. С. 160—188]. Армейские чины награждались золотыми и серебряными поясами, при этом специально оговаривалось количество поясных накладок, о чем свидетельствует, например, текст рунической надписи X в.: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с 42 [чиновными] пряжками-украшениями» [Малов, 1952. С. 93]. Или другая известная формула из обихода енисейских тюрков: «Так как у него была доблесть, то у своего хана, мой бег Аза Тутук, достиг пряжки [чиновного поя-

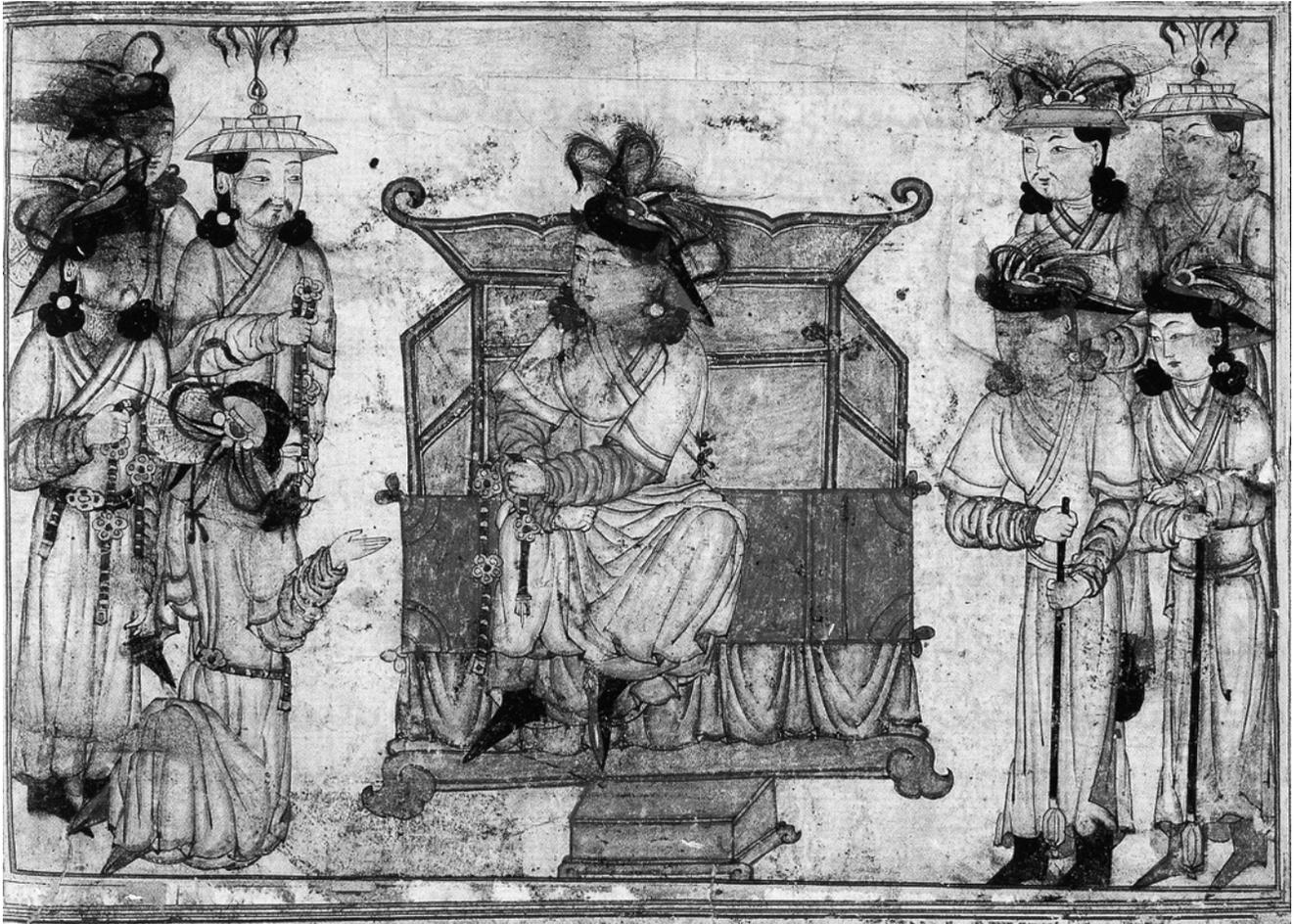
са]» [Малов, 1952. С. 95]. А кипчаки, обитатели Великой Степи XI—XIII вв., утратили традицию собственных воинских поясов [Крамаровский, 2005. С. 127—128]. Причину исчезновения традиции следует искать в политическом устройстве кочевого общества кипчаков, в котором так и не сложилась государственность [Голден, 2004. С. 103—134]. Как писал В. В. Бартольд, «были отдельные кипчацкие ханы, но никогда не было хана всех кипчаков» [Бартольд, 1968. С. 99]. Аналогичным образом в домонгольской Руси были отдельные князья, но не было князя всея Руси (ср.: [Горский, 2007. С. 55—61]), по этой причине на Руси до монголов не было воинских золотых наборных поясов, по крайней мере, археологами они не зафиксированы (см. каталог: [Мурашова, 2000]). Напротив, в монгольской среде пояса с геральдическими драконами появляются как бы в одночасье. По-видимому, они были вызваны к жизни резко изменившимся уровнем государственного строительства после коронации Чингис-хана в 1206 г., когда для новой элиты потребовались новые объединительные символы [Крамаровский, 1999. С. 43].

Золотые воинские пояса были элементом имперского ритуала — единственного инструмента, с помощью которого монголы выстраивали вертикаль власти. Ритуал лежал в основе имперских праздников, курултаев, с их раздачей халатов и золотых поясов. На выразительной персидской миниатюре с парадной сценой вручения воинских поясов монгольский военачальник, преклонив оба колена, получает из рук ильхана дорогой пояс [Hoffmann, 2005. S. 259] (см. рисунок). Рядом стоят нойоны с поясами в руках, притом что они опоясаны. Накопление поясов — всадническая традиция, привнесенная монголами в имперскую систему власти. Получение пояса означало обретение или подтверждение места в иерархии, на верхней ступени которой стоял хан. Например, во время борьбы за престол в Ильханате между Газаном и Байду два нойона бежали от Байду и явились на служение к Газану. «Государю ислама их прибытие пришлось весьма по душе, он счел его за счастливое предзнаменование, пожаловал их и одарил их кафтанами, шапками и поясами с драгоценным набором» [Рашид-ад-дин, 1946. С. 165]. Иными словами, Газан подтвердил статус нойонов.

В системе имперских инсигний халат и золотой пояс выступали как статусные вещи. Одно из первых свидетельств о символическом значении халата и пояса связано с заключением военного союза между Чингис-ханом и правителем уйгуров. «Он преподнес в знак покорности дары и доложил: „Если [его величество] Чингиз-хан окажет [мне] благоволение и возвысит своего раба за то, что тот услыхал издалика и быстро пришел к нему, и я получу подарок, состоящий из алого верхнего платья [*каба-и ал*] и золотого пояса, и буду пятым [сверх] четырех сыновей Чингиз-хана, то я приумножу [свою] покорность“» [Рашид-ад-дин, 1952. С. 163]. Получить из рук Чингис-хана халат алого цвета вместе с золотым поясом означало войти в высший круг имперской элиты.

О практике массовой раздачи халатов и золотых поясов при дворе великого хана Хубилая (1260—1294) известно из книги Марко Поло: каждый из «двенадцати тысяч князей и рыцарей» великого хана получал «тринадцать одеяний разных цветов, дорогих, расшитых жемчугом, камнями и всякими драгоценностями»; также они получали по красивому золотому поясу [Книга Марко Поло, 1956. С. 114]. Речь идет о раздаче статусных вещей представителям военно-административного аппарата (*кешиктенам*). Но дело не в вещах, а в ритуале: «Установлено,

в какой праздник в какую одежду наряжаться. У великого хана тоже тринадцать одежд, как и у баронов, того же цвета, да только подороже и величественнее. Как бароны, так и он наряжается» [Книга Марко Поло, 1956. С. 114]. Согласно династийной истории «Юань ши», монгольский император использовал одиннадцать разновидностей халатов зимой и пятнадцать различных вариантов одежды летом. Чиновникам высшего ранга полагалось девять разновидностей зимних халатов и четырнадцать — летних [Доде, 2007. С. 39].

Миниатюра. Тебриз (?), Иран, начало XIV в. Saray-Alben (MS. Diez A. Fol. 71. S. 47)

Хранится: Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz, Orientabteilung

Ильхан сидит на троне, в руке у него наградной воинский пояс. На ильхане пояса нет. Военачальник, преклонив оба колена, получает пояс. Рядом стоят другие нойоны, в руках у них пояса, притом что они опоясаны.

Это обстоятельство указывает на парадную раздачу поясов. Слева стоят нойоны с парадными жезлами в руках

Монгольская элита времени внуков основателя империи — новое явление, ее внешние атрибуты отличались от неприязнительного стиля эпохи Чингисхана. В моде было золото. «Общеизвестно было так: в пору-де монголов много носят вышитой и затканной и тому подобной одежды, на которую растрачивается золото», — писал со знанием дела вазир ильханов [Рашид-ад-дин, 1946. С. 272]. Влияние монгольского имиджа коснулось даже церковной армянской живописи. Так, в 1330 г. художник васпуракан-

ской школы Ованнес из Беркри в сцене Рождества изобразил трех волхвов в монгольских халатах с золотыми поясами, и с монгольскими прическами [Thierry, 1987. Fig. 132].

Иранские художники, иллюстрируя «Шахнаме», изображали своих древних царей и даже легендарного Искандера в монгольских костюмах (миниатюры к «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина). На одном из листов рукописи «Малая Шахнаме» Фирдоуси (ок. 1300) имеется следующая сцена. Шах Бахрам

Гур остановился инкогнито в доме ювелира Махира. Не зная, кто он на самом деле, ювелир угостил гостя вином и позвал свою дочь Арзу сыграть для него на арфе. Красота и благородная осанка гостя заставили девушку безнадежно влюбиться в него, и в своей песне она сравнила его с самим шахом Бахрамом Гуром, что, несомненно, понравилось гостю [Архитектура, 2011. С. 116. № 47]. На миниатюре Бахрам Гур изображен в роскошном монгольском халате, его свита — также в монгольских костюмах с золотыми поясами. Неясно, как это вяжется с желанием героя остаться незамеченным. Искусствоведы, поместившие в каталог эту миниатюру, не обратили внимания на монгольский имидж иранского царя. Для нас же важен содержательный аспект: в монгольском имперском пространстве образ людей власти связан с монгольскими халатами и золотыми поясами.

В Ильханате раздачи золотых поясов были государственным ритуалом. Два примера, в которых фигурируют армянские князья: «Тарсаидж (Орбелиан, зять Хасана Джалала) был в таком почете у хана Абага, что тот много раз облакал Тарсаиджа с ног до головы в царственные одеяния, сняв их с себя, и опоясывал его своим поясом из цельного золота, осыпанным драгоценными камнями и жемчугами» [Орбели, 1909. С. 432; История монголов, 1873. С. 48]. В записи 1291 г. на Евангелии говорится о Хасане, сыне Проша, которого ильханы Хулагу и Абага так любили, что «много раз украшали его снятыми с себя златоткаными одеяниями и завязывали вокруг его стана золотой пояс, осыпанный драгоценными камнями и жемчугами, и таким образом роскошно украшали его» [Орбели, 1909. С. 433]. Рельеф с изображением представителей армянского рода Прошянов — Эачи и его сына Амир-Хасана II — украшал северный фасад построенной ими церкви Аствацацин Спитакавор (Белая Богородица) (Армения. Вайоц-дзор. 1321 г. Рельеф сегодня хранится в Эрмитаже) [Золотая Орда, 2005. С. 209. № 242]. На рельефе армянские феодалы облачены в монгольские костюмы с поясами (надо полагать — золотыми). На Амир-Хасане монгольская шапка с наверху на три перьевых султана — знак высшего служебного ранга. В таком же головном уборе и облачении, как на рельефе, изображен Эачи Прошян и на заказанном им в 1300 г. реликварии «Хотакерац Сурб Ншан» [Степанян, 1971. Рис. 112, 113].

Эачи и его сын Амир-Хасан входили в группу «300 золотых поясов» монгольского государства в Иране. О наличии такой группы в Ильханате имеется надежное свидетельство. Ильхан Газан (1295—1304) во время курултая в Уджане лично раздавал деньги, халаты и пояса в первую очередь тем, кто свершил славные дела и проявил похвальное усердие, т. е. оказался полезен правящему дому. Обратим внимание на статусный порядок раздачи вещей: «Затем он отдавал предпочтение тем людям, которые имели степень родства [с ним] по отцу, а потом давал эмирам тысяч правой и левой руки согласно тому, как

было принято и установлено. Он еще раньше приказал, чтобы разного рода одежды в порядке разложили по сортам и по назначению, чтобы вытащили и [расставили] отдельно разного рода мешки с золотыми и серебряными деньгами и надписали, какое в них количество и чьи они, сообразно их [жалуемых лиц] способностям и заслугам. Он вызывал по одному и приказывал [каждому] принимать свою долю тут же в его присутствии. Таким порядком он распределял добро десять-одиннадцать дней. Он роздал триста туманов наличными деньгами, двадцать тысяч штук одежд, пятьдесят штук поясов, украшенных драгоценными камнями, **триста штук золотых поясов** и сто штук бальшей червонного золота» [Рашид-ад-дин, 1946. С. 216].

Свидетельство Рашид-ад-дина дает пищу для размышлений. Если число розданных халатов соответствует числу младших и старших нойнов, то под тремястами золотыми поясами подразумевается соответствующее число представителей высшей элиты, а под пятьюдесятью поясами с драгоценными камнями — число Чингизидов и старших военачальников.

Очевидно, что пояса были изготовлены в государевых мастерских, по заказу власти, по единому техническому заданию. По мнению М. Г. Крамаровского, раздача трехсот золотых поясов требовала изготовления примерно девяти-десяти тысяч кованых, литых и прочеканенных деталей (из расчета 30—35 единиц гарнитуры на один пояс), а их нужно было еще спаять и закрепить на ременную основу, подготовка которой требовала отдельного и не менее кропотливого технологического цикла. Разумеется, с такой задачей могли справиться только специализированные мастерские, не говоря уже о том, что объем заказа невозможно было бы выполнить без определенной унификации украшений каждого типа, использования литейных форм и других приспособлений [Крамаровский, 2001. С. 59—60]. Такое массовое производство было имперским проектом. Очевидно, что ни при каких условиях бояре Новгорода не могли быть заказчиками сотен типовых золотых поясов.

Триста золотых поясов, розданных ильханом, типологически соответствуют «300 золотым поясам» немецкого документа 1331 г. Полагаю, что в обоих случаях речь идет о наместниках монгольских ханов, с помощью которых осуществлялся контроль над городами и провинциями. Скорее всего, в Ильханате и в Золотой Орде имелись управленческие группы, насчитывавшие триста человек, каждый из которых был доверенным лицом хана. У персидского придворного историка Вассафа имеется выразительное описание празднования Нового года в ставке ильхана Газана в январе 1303 г. Вассаф указывает статусы участников пира. Вот они, обладатели золотых поясов.

«Хотя по монгольскому обычаю праздник нового года (*куюнгламиши*) приходился на 28 [число] джумада I / 18 января 1303 г., но царь Газан-хан сказал:

назначение и выделение этого дня не имеет особенного преимущества, следует пиры [в честь] Нового года устроить 10 джумада I / 30 января 1303 г. По древнему обыкновению пир длился три дня. Эмир его величества, везиры государства, султаны земель Грузинской, Румской и Армянской, посланники из [разных] стран света, [как то]: из Хорасана, Египта, Сирии и Кипчака, сообща с князьями (*малик*) областей, правителями (*мутасарриф*) земель, сборщиками податей и секретарями (*катиб*) округов и краев, поочередно, сообразно степени своего сана подносили подарки: коней с павлиньей поступью и орлиною быстротой, разные вещи, усыпанные драгоценными камнями, тюки тонких материй для одежды и [другие] приношения из [разных] стран. Принимали кубки и стаканы с пенящимся вином и шербетом и чаши с кумысом и прихлебывали разные [горячительные] напитки. Облачались в усыпанные жемчугом одежды, отражением блеска которых ослеплялся взор солнца» [Тизенгаузен, 2006. С. 217].

Изготовление халатов, доставка их в казнохранилище и раздача были заботой первых лиц в Ильханате. В одном из писем Рашид-ад-дина имеется подробная роспись (по материалу) личных одежд и изделий из меха, которые должны быть присланы ко двору из Багдада, Тебриза, Рума, Ширази, Самарканда, Дамаска, Хиндустана и Китая [Рашид-ад-дин, 1971. № 34]. А вот прямое распоряжение ильхана Газана: «Все золотые деньги и государевы одежды, которые изготавливают в мастерских или [то, что] доставляют из дальних стран в виде тонсука, везир попрежнему подробно записывает. Они также находятся на ответственности упомянутых двух лиц и до тех пор, пока государь не даст безусловного приказа, решительно ничего из этого не расходуют. К серебряным деньгам и разного рода одежам, которые расходуют постоянно, [государь] приставил другого казначея» [Рашид-ад-дин, 1946. С. 229]. Государевы одежды, что предназначались для праздничных раздач, и одежды для каждодневных потребностей двора находились в разных казнохранилищах. Смысл строгого учета раздачи халатов разъясняет речь Газана, с которой он обратился к эмирам, прибывшим на курултай. В речи различаются две группы: те, кто надел на себя особые одежды, и другие, не помышляющие о власти. Наставление ильхана адресовано правящей группе: «Поскольку вы люди иные и из-за одежды вам выпало высокое звание и за этим званием имеются несколько особых обстоятельств, которых нет у других, а вы согласились на это звание и обстоятельства и обязались и поручились блюсти права и говорите: „Мы-де такие-то и так-то будем поступать“, — то поразмыслите теперь хорошенько. Ежели вы сумеете привести в исполнение взятое на себя обязательство и домогательство, которые сопряжены с этим одеянием, и сумеете сдержать слово, то это будет очень хорошо и похвально... Не думайте, что я буду считаться с вашим одеянием, напротив, я буду считаться с вашими деяниями и проступками» [Рашид-ад-дин, 1946. С. 223]. Таким же обра-

зом и кочевая аристократия времени правления хана Узбека облачалась в халаты власти.

У нас нет прямого свидетельства о вручении ханом Узбеком золотых поясов своим наместникам. Мы вообще мало знаем о том, как управлялись города и провинции в Золотой Орде.

Однако в нашем распоряжении есть текст завещания великого князя Ивана II (1353—1359), в котором фигурирует золотой пояс, украшенный жемчугами, завещанный ему отцом, а также шапка золотая, золотой пояс с крюком, золотая сабля, серьга золотая с жемчугом, шлем (чечак) золотой с жемчугом, ковш и чашка золотые [Духовные грамоты, 1950. С. 18. № 4]. Золотой пояс, несомненно, из ордынского обихода. Любопытно, что отец князя Ивана II, князь Иван Калита, получил ярлык на княжение в 1331 г. от хана Узбека (1312—1341). В духовной грамоте самого князя Ивана Калиты (ок. 1339 г.) упомянуты девять поясов. Накапливать пояса — это исключительно монгольская традиция. Так, например, в материалах Симферопольского клада, которые считаются частью сокровищницы солхатского *даруги*, имелись три пояса: два латинских, а третий — стрелковый — выполнен в традициях сельджукидов [Крамаровский, 2012. С. 96]. Клад датируется по найденной в его составе пайцзе хана Кельдибека 1361 г.

Завещание Ивана Калиты составлено перед поездкой князя в Орду. Перечитает текст грамоты. После перечня городов и сел сообщается, что старшему сыну, Семену, даны: «4 чеши золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты с женчуги, блюдце золото с женчугом с камнем. А к тому еще дал есть ему 2 чума золота большая. А ись соудов ись серебряных дал есмь ему 3 блюда серебряна». Следующему сыну, Ивану, даны: «4 чеши золоты, пояс болший с женчугом с камнем, пояс золот с капторгами, пояс сердоничень золотом оковань, 2 овкача золота, 2 чашки круглы золоты, блюдо серебряно ездниньское, 2 блюдци менший». Третьему сыну, Андрею, отец дал: «4 чеши золоты, пояс золот фрязский с женч[угом] с камнем», пояс золот с крюком [на червчате шелку, пояс золот] царевский, 2 чары золоты, 2 чумка золота [меньшая; а из блюдь, —] блюдо серебряно, а 2 малая» [Духовные грамоты, 1950. С. 7—8. № 1]. Тщательный учет поясов обретает истинный смысл только в монгольском контексте, где золотые пояса являлись символами власти. Один из девяти поясов Ивана Калиты был фряжским (венецианским). Отмечу, что и золотые чаши также являлись наградными предметами. На монгольском пиру золотая чаша демонстрировала жизненный успех ее владельца. В Причерноморье известно погребение нойона, в котором находились золотой пояс и чаша [Никольская, 1927. С. 138—148].

В завещании Ивана Калиты не сказано, что золотые пояса даны князю ханом Узбеком, однако в летописях сказано, что князь ездил к хану Узбеку за ярлыком на Московское княжество. Золотой пояс символизировал включение великого князя в ордын-

скую систему власти. Это был материальный знак наделения князя властными полномочиями, ибо сопровождался пожалованием отчины и княжением надо всю Русскую землей. Пожалования великий князь получал от ордынского хана [Синкевич, 2012. С. 211—216]. За десятилетие своего княжения, с 1329 по 1339 г., Иван Калита совершил восемь поездок в ставку хана, получая каждый раз золотой пояс.

В Житии Федора Ростиславича, князя Смоленского и Ярославского, говорится о том, что князь находился продолжительное время в Орде и хан приблизил его к себе [Насонов, 1940. С. 61], а это на практике означало наделение князя властными полномочиями. Одним из знаков внимания хана было облачение князя в монгольский костюм: «Царь ... держаше его у себе во мнозей чести и въ любви велице и всегда противъ себе седети повелеваше ему и царский венец свой по вся дньи полагаше на главу его и во свою драхму по всякъ часть облачаше его и въ прочая царская одеяния» ([ПСРЛ, 1908. С. 310]; см. также: [Никитин, 2002. С. 365—367]). Облачение в «царские одеяния» предполагает наличие золотого пояса (ср. с аналогичными награждениями армянских князей ильханами).

В отличие от мнимых золотых поясов новгородских бояр, реальные монгольские золотые пояса известны во всем своем разнообразии. Анализ археологических находок и типологии воинских поясов посвящены исследования М. Г. Крамаровского [Крамаровский, 2002. С. 43—81; 2012а. С. 200—203]. С тех пор список находок пополнился [Кравец, 2006. С. 326—329; Кравец, Березуцкий, Бойков, 2000; Мандрыка, Сенотрусова, Тишкин, 2010. С. 32—36; Классическое искусство, 2013. № 43. С. 198—199; Юрченко, 2013]. Разумеется, речь идет о воинских поясах, и совершенно неясно, существует ли критерий для определения поясной гарнитуры «300 золотых поясов» наместников. Ранее я полагал, что в Золотой Орде монголам, вернее, их уйгурским советникам не удалось трансформировать военное правление в законную гражданскую власть. В кочевой империи правящая группа была неразрывно связана с армией и военно-административной системой организации власти. В Золотой Орде власть оставалась в руках кочевой аристократии. Появление нескольких имперских городов не поменяло ситуации. Тем не менее, принимая во внимание достоверный характер сведений немецкого документа 1331 г. о «300 золотых поясах» и соглашаясь, что речь идет о наместниках ордынского хана, можно полагать, что при хане Узбеке произошла интеграция доходов от дани и торговли с системой прямой эксплуатации земель сельских народов.

Представляю интерес и единичные случаи вручения поясов в дипломатическом этикете. По сведениям ал-Умари, в 1331 г. султан Египта отправил государю сербов дорогие подарки, а также «золотой пояс, золотые застежки, разукрашенный меч и знамя султанское, желтое, позолоченное» [Тизенгаузен, 2005. С. 175]. Государь сербов искал дружбы с сул-

таном Египта и потому просил прислать ему меч и знамя. Это были символы подчинения.

То, что в Золотой Орде вручение золотого пояса сопровождалось наделением властными полномочиями, подтверждается поздними свидетельствами.

По сведениям «Книги побед» Шараф-ад-дина Йазди, после первого столкновения войск эмира Тимура и хана Токтамыша в 1391 г., часть ордынской знати перешла на сторону победителя. «Из царевичей и эмиров улуса Джучиева Кунче-оглан, Тимур-Кутлуг-оглан и Идигу, которые издавна питали вражду к Токтамыш-хану, бежав от него, нашли убежище при дворе Тимура и находились при нем в походе и во время пребывания на постоянном месте. Тимур особо удостоил их великой царской милости и благоволения, все снова и снова оказывал им бесчисленные ласки и постоянно поддерживал их гордость через царственные подарки, как то: пояса, украшенные драгоценными камнями, роскошные почетные одежды и быстроногих дорогих коней» [Тизенгаузен, 2006. С. 325].

Спустя четыре года, после окончательного разгрома Токтамыша, эмир Тимур назначил одного из царевичей-джучидов правителем Золотой Орды и обозначил его статус так: «Он дал находившемуся при нем сыну Урус-хана, Койричак-оглану, отряд узбекских храбрецов, находившихся в числе слуг высочайшего двора, приготовил принадлежности падишахского достоинства, удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса, велел ему переправиться через Итиль и передал ему ханство над улусом Джучи» [Тизенгаузен, 2006. С. 335]. Облачиться в шитый золотом халат означало обрести место в высшей иерархии, подчиниться Тимуру и получить властные полномочия над улусом.

В монгольском имперском ритуале золотые пояса использовались как знаки социальных отношений. Здесь отсутствовало разделение на мир символов и мир вещей. Здесь вещи всегда суть знаки. Единство символического и практического, которым обладают воинские поясные наборы, позволяет сформулировать понятие семиотического статуса вещи, необходимого для описания функционирования золотых поясных наборов в монгольском имперском контексте. При вхождении в семиотическую систему, например ритуал коронации или награждения во время курултая, поясные наборы функционируют как знаки, при выпадении из системы — как вещи. Семиотический статус поясов отражает соотношение «знаковости» и «вещности» и, соответственно, — символических и утилитарных функций.

Золотые пояса относятся к группе вещей с постоянно высоким семиотическим статусом. В историческом плане определение этого статуса напрямую зависит от представлений исследователя о механизмах власти и способа делегирования полномочий в строго иерархичной модели имперского социума. «300 золотых поясов» указывают на представителей элиты, над которыми возвышается хан, собственно, и вручивший им эти пояса. В социологическом плане

«300 золотых поясов» — это структурированная группа, включенная в иерархию. Новгородские бояре не были такой группой и не носили золотых поясов. Золотой пояс можно было получить только из рук царя.

Монгольский ритуал раздачи поясов преследовал вполне рациональные задачи по упорядочению социальных позиций, в свою очередь, связанных с символическими смыслами. Как уже сказано, золотой пояс только в ритуале выступает в роли символа. Семиотический статус вещей в ритуале резко повышается. Ритуал был средством регуляции поведения представителей элитного сообщества. Ритуал поддерживал социальное равновесие в ситуациях обновления состава элит. Внешним проявлением соблюдения правил поведения выступало исполнение предписанного церемониала, а именно облачение в халаты вкуче с поясами. Роль ритуала отнюдь не

была пустой формальностью. В нашем же случае обращение к ритуалу позволяет восполнить лауну в реконструкции системы управления в Золотой Орде.

Таким образом, к свидетельству немецкого документа о «300 золотых поясах» следует добавить сообщение персидского историка Рашид-ад-дина о трехстах золотых поясах, розданных ильханом Газаном. Наличие параллельного свидетельства позволяет утверждать, что «300 золотых поясов» — не риторическая фигура, а вполне реальная институция. К междисциплинарному диалогу специалистов по истории средневекового Новгорода и Ганзейского союза следует подключить исследователям Золотой Орды. Немецкий документ 1331 г. указывает на неизвестный ранее аспект политической деятельности хана Узбека.

Литература

- Архитектура, 2011: Архитектура в исламском искусстве. Сокровища коллекции Ага-хана. Каталог выставки. Эрмитаж. СПб., 2011 (Arhitektura v islamskom iskusstve. Sokrovishcha kolleksii Aga-khana. Katalog vystavki. Ermitazh. SPb., 2011).
- Арциховский, 1970: *Арциховский А. В.* Одежда // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. I: Материальная культура. М., 1970 (*Arcihovskij A. V.* Odezhdza // Ocherki russkoj kul'tury XIII—XV vekov. Ch. I: Material'naja kul'tura. M., 1970).
- Бартольд, 1968: *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V (*Bartol'd V. V.* Dvenadcat' lekcij po istorii tureckih narodov Srednej Azii // *Bartol'd V. V.* Sochinenija. M., 1968. T. V).
- Голден, 2004: *Голден П. Б.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004 (*Golden P. B.* Kipchaki srednevekovonу Evrazii: primer negosudarstvennoy adaptatsii v stepi // *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir.* Ulan-Ude, 2004).
- Горелик, 2008: *Горелик М. В.* Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // Краткие сообщения Ин-та археологии. М., 2008. Вып. 222 (*Gorelik M. V.* Zolotoordynskie predmety i ih mestnye podrazhaniya v materialah drevnerusskih gorodov // *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii.* M., 2008. Vyp. 222).
- Горский, 2007: *Горский А. А.* «Князь вся Руси» до XIV века // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 16—18 апреля 2007 г. Материалы конф. М., 2007 (*Gorskiy A. A.* «Knjaz' vseya Rusi» do XIV veka // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekove: politicheskie instituty i verhovnaya vlast'. XIX Chteniya pamyati V. T. Pashuto,* Moskva, 16—18 aprelya 2007 g. M., 2007).
- Добжанский, 1990: *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990 (*Dobzhanskiy V. N.* Nabornye royasa kochevnikov Azii. Novosibirsk, 1990).
- Доде, 2007: *Доде З. В.* Шелк в культуре Монгольской империи // Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. Каталог выставки. СПб., 2007 (*Dode Z. V.* Sholk v kul'ture Mongol'skoy imperii // *Sholkovyi put'. 5000 let iskusstva sholka.* Katalog vystavki. SPb., 2007).
- Духовные грамоты, 1950: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков / подгот. к печати Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950 (*Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazey XIV—XVI vekov / podgot. k pechati L. V. Cherepnina.* M.; L., 1950).
- Золотая Орда, 2005: Золотая Орда. История и культура. Автор концепции выставки М. Г. Крамаровский. СПб., 2005 (*Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura.* Avtor kontseptsii vystavki M. G. Kramarovskiy. SPb., 2005).
- История монголов, 1873: История монголов по армянским источникам / пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I (*Istoriya mongolov po armyanskim istochnikam / per. i obyasneniya K. P. Patkanova.* SPb., 1873. Vyp. I).
- Классическое искусство, 2013: Классическое искусство исламского мира IX—XIX веков. Десятью девять имен Всевышнего. Каталог выставки. М., 2013 (*Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX—XIX vekov. Devyanosto devyat' im'on Vsevysnogo.* Katalog vystavki. M., 2013).
- Книга Марко Поло, 1956: Книга Марко Поло / пер. старофр. текста И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956 (*Kniga Marko Polo / per. starofr. Teksta I. P. Minaeva; red. i vstup. st. I. P. Magidovicha.* M., 1956).
- Комар, 2005: *Комар А. В.* Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII—начала VIII в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II (*Komar A. V.* Rangovaya semantika nabornyh royasov kochevnikov Vostochnoy Evropy VII—nachala VIII v. // *Sugdeyskiy sbornik.* Kiev; Sudak, 2005. Vyp. II).
- Кравец, 2006: *Кравец В. В.* О критериях социально-ранговой характеристики кочевников Золотой Орды (по материалам лесостепного и северостепного Подонья) // Археологическое изучение Центральной России : тез. междунар. науч. конф. Липецк, 2006 (*Kravets V. V.* O kriteriyah social'no-rangovoy harakteristiki kochevnikov Zolotoy Ordy (po materialam lesostepnogo i severostepnogo Podon'ya) // *Arheologicheskoe izuchenie Central'noy Rossii : tez. mezhdunarod. nauch. konf. Lipeck,* 2006).

- Кравец, Березуцкий, Бойков, 2000: *Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А.* Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 2000. № 3—4 (*Kravec V. V., Berezuckiy V. D., Bojkov A. A.* Pogrebeniya kocheyoy znati zolotoordynskogo vremeni v kurgannoy gruppe «Vysokaya gora» na yuge Voronezhskoy oblasti // *Donskaja arheologiya*. Rostov-na-Donu, 2000. N. 3—4).
- Крамаровский, 1999: *Крамаровский М. Г.* О доблести и пряжке у Чингизидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения. Памяти Б. Б. Пиотровского. Тез. докл. СПб., 1999 (*Kramarovskiy M. G.* O doblesti i pryazhke u Chingizidov (v svyazi s novoy nahodkoy voinskogo poyasa pervoy poloviny XIII v.) // *Ermitazhnye chteniya*. Pamyati B. B. Piotrovskogo. Tез. dokl. SPb., 1999).
- Крамаровский, 2001: *Крамаровский М. Г.* Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001 (*Kramarovskiy M. G.* Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy. SPb., 2001).
- Крамаровский, 2002: *Крамаровский М. Г.* Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII—первой половины XIII в. (источниковедческие аспекты) // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды)*. От Калки до Астрахани. 1223—1556. Казань, 2002 (*Kramarovskiy M. G.* Noveye materialy po istorii kul'tury rannih Dzhuchidov: voinskie poyasa kontsa XII—pervoy poloviny XIII v. (istochnikovedcheskie aspekty) // *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy)*. Ot Kalki do Astrahani. 1223—1556. Kazan', 2002).
- Крамаровский, 2005: *Крамаровский М. Г.* Куманские пояса в Дешт-и Кыпчаке и на Балканах в XIII—XIV вв. // *Тюркологический сборник 2003—2004: Тюркские народы в древности и средневековье*. М., 2005 (*Kramarovskiy M. G.* Kumanskiye poyasa v Desht-i Kypchake i na Balkanah v XIII—XIV vv. // *T'urkologicheskij sbornik 2003—2004: T'urkskie narody v drevnosti i srednevekov'e*. М., 2005).
- Крамаровский, 2012: *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012 (*Kramarovskiy M. G.* Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya. SPb., 2012).
- Крамаровский, 2012а: *Крамаровский М. Г.* Два вектора в формировании культуры монгольской элиты XIII—XIV вв. // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). Барнаул, 2012 (*Kramarovskiy M. G.* Dva vektora v formirovanii kul'tury mongol'skoy elity XIII—XIV vv. // *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii*. Materialy II Mezhduнародного kongressa srednevekovoy arheologii Evraziyskikh stepey (Barnaul, sentyabr' 2012 g.). Barnaul, 2012).
- Лукин, 2010: *Лукин П. В.* «300 золотых поясов» и вече. Немецкий документ 1331 года о политическом строе Великого Новгорода (с публикацией перевода документа) // *Средние века*. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2010. Вып. 71 (3—4) (*Lukin P. V.* «300 zolotykh poyasov» i vechе. Nemeckiy dokument 1331 goda o politicheskom stroe Velikogo Novgoroda (s publikatsiyey perevoda dokumenta) // *Srednie veka*. Issledovaniya po istorii Srednevekovyа i rannego Novogo vremeni. М., 2010. Vyp. 71 (3—4)).
- Лукин, 2012: *Лукин П. В.* Новгородская элита в XII—XV вв.: терминология, эволюция, численность // *Восточная Европа в древности и средневековье: Миграция, расселение, война как факторы политогенеза*. XXIV Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 2012 г. Материалы конф. М., 2012 (*Lukin P. V.* Novgorodskaya elita v XII—XV vv.: terminologiya, evol'utsiya, chislnennost' // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Migratsii, rasselenie, voyna kak faktory politogenezа*. XXIV Chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR V. T. Pashuto. Moskva, 18—20 aprelya 2012 g. М., 2012).
- Мандрыка, Сенотрусова, Тишкин, 2010: *Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О., Тишкин А. А.* Поясной набор развитого средневековья с территории Нижнего Приангарья // *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Барнаул, 2010 (*Mandryka P. V., Senotrusova P. O., Tishkin A. A.* Pojysnoy набор razvitogo srednevekovyа s territorii nizhnego Priangarya // *Torevtika v drevnih i srednevekovykh kul'turah Evrazii*. Barnaul, 2010).
- Малов, 1952: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952 (*Malov S. E.* Eniseyskaya pis'mennost' t'urkov. М.; Л., 1952).
- Мурашова, 2000: *Мурашова В. В.* Древнерусские ремесленные наборные украшения (X—XIII вв.). М., 2000 (*Murashova V. V.* Drevnerusskie remennyye nabornyye ukrasheeniya (X—XIII vv.). М., 2000).
- Насонов, 1940: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940 (*Nasonov A. N.* Mongoly i Rus': (Istoriya tatarskoy politiki na Rusi). М.; Л., 1940).
- Никитин, 2002: *Никитин А. Н.* Восприятие Джучидской улусной системы в житии Федора Ростиславича, князя Ярославского и Смоленского, и его сыновей Давида и Константина // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания*. М., 2002 (*Nikitin A. N.* Vospriyatie Dzhuchidskoy ulusnoy sistemy v zhitii Fedora Rostislavichа, knyazya Yaroslavskogo i Smolenskogo, i ego synovey Davida i Konstantina // *Istochnikovedenie i istoriografiya v mire gumanitarnogo znaniya*. М., 2002).
- Никитский, 1869: *Никитский А. И.* Очерки из жизни Великого Новгорода: Правительственный Совет // *Журнал министерства народного просвещения*. СПб., 1869. Ч. 145. № 10 (*Nikitskiy A. I.* Ocherki iz zhizni Velikogo Novgoroda: Pravitel'stvennyi Sovet // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshheniya*. SPb., 1869. Ch. 145. N 10).
- Никольская, 1927: *Никольская Е.* Памятники монгольской культуры из села Карги // *Восточный мир*. Харьков, 1927. № 1 (*Nikol'skaya E.* Pamyatniki mongol'skoy kul'tury iz sela Kargi // *Vostochnyy mir*. Har'kov, 1927. N 1).
- Орбели, 1909: *Орбели И. А.* Гасан Джалал, князь Хаченский // *Известия Академии наук*. СПб., 1909. Серия IV. Т. III. № 6 (*Orbeli I. A.* Gasan Dzhahalal, knyaz' Hachenskiy // *Izvestiya Akademii nauk*. SPb., 1909. Seriya IV. T. III. N 6).
- ПСРЛ, 1908: *Полное собрание русских летописей*. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. Ч. 1 (*Polnoe sobranie russkikh letopisej*. T. XXI. Pervaya polovina. Kniga Steppennaya carskogo rodoslovija. SPb., 1908. Ch. 1).
- Рашид-ад-дин, 1946: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса; под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946 (*Rashid-ad-din*. Sbornik letopisey. T. III / per. s pers. A. K. Arendsа; pod red. A. A. Romaskevicha, E. Je. Bertel'sa i A. Ju. Yakubovskogo. М.; Л., 1946).

- Рашид-ад-дин, 1952: *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. I, кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой; Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенова. М.; Л., 1952 (*Rashid-ad-din*. Sbornik letopisey. T. I. Kn. 2 / per. s pers. O. I. Smirnovoy; Primech. B. I. Pankratova i O. I. Smirnovoy; Red. A. A. Semenova. M.; L., 1952).
- Рашид-ад-дин, 1971: *Рашид-ад-дин*. Переписка / пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М., 1971 (*Rashid-ad-din*. Perepiska / per., vveden. i komment. A. I. Falinoy. M., 1971).
- Седова, 1981: *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981 (*Sedova M. V.* Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X—XV vv.). M., 1981).
- Синкевич, 2012: *Синкевич А. С.* Еще раз о ханских «пожалованиях» Ивану Калите и его сыновьям // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2012. Вып. 14 (*Sinkevich A. S.* Escho raz o khanskih «pozhalovaniyah» Ivanu Kalite i ego synov'yam // Tumenskiy istoricheskiy sbornik. Tumen', 2012. Vyp. 14).
- Споры, 2012: Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола». Европейский университет в Санкт-Петербурге 20 сентября 2010 г. СПб., 2012 (*Spory o novgorodskom veche*. Mezhdisciplinarnyi dialog. Materialy «kruglogo stola». Evropejskiy universitet v Sankt-Peterburge 20 sentyabrya 2010 g. SPb., 2012).
- Степанян, 1971: *Степанян Н.* Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971 (*Stepanyan N.* Dekorativnoye iskusstvo srednevekovoy Armenii. L., 1971).
- Тизенгаузен, 2005: История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. Перераб. и доп. изд. Алматы, 2005 (*Istoriya Kazahstana v arabskikh istochnikah*. T. I. Sbornik materialov, odnosyashhihsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V. G. Tizengauzenom. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. Almaty, 2005).
- Тизенгаузен, 2006: История Казахстана в арабских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. Доп. и перераб. изд. Алматы, 2006 (*Istoriya Kazahstana v arabskikh istochnikah*. T. IV. Sbornik materialov, odnosyashhihsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V. G. Tizengauzenom i obrabotannye A. A. Romaskevichem i S. L. Volinym. Dopolnennoe i pererabotannoe izdanie. Almaty, 2006).
- Чебанова, 1999: *Чебанова Е. И.* «300 золотых поясов»: проблемы интерпретации термина // Проблемы социального и гуманитарного знания : сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып. I (*Chebanova E. I.* «300 zolotykh poya-sov»: problemy interpretatsii termina // Problemy social'nogo i gumanitarnogo znaniya. SPb., 1999. Vyp. I).
- Юрченко, 2011: *Юрченко А. Г.* Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). СПб., 2011 (*Yurchenko A. G.* Khan Uzbek: mezhdru imperiei i islamom (strukturny povsednevnosti). SPb., 2011).
- Юрченко, 2013: *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2013 (*Yurchenko A. G.* Elita Mongol'skooy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney. SPb., 2013).
- Hoffmann, 2005: *Hoffmann B.* Das Ilkhanat — Geschichte und Kultur Irans von der mongolischen Eroberung bis zum Ende der Ilkhanzeit (1120—1335) // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Boon, 2005.
- Thierry, 1987: *Thierry J.-M.* Les Arts Armeniens. Principaux sites Armeniens par P. Donabedian. Paris, 1987.

Сокращения

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. XXI. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. Ч. 1.

A. G. Yurchenko «300 gold belts» in the Mongolian Imperial context

In 1331 in Novgorod a conflict between German merchants and local inhabitants took place. The situation is described in the report of the German Hanseatic merchants to Riga. The original letter is preserved. In the midst of the conflict a character from the group of «300 gold belts» intervened (German: CCC guldene gordele). According to historians and philologists, the mysterious «300 gold belts» is a figure of speech, or symbolizes the boyar elite of Novgorod in general. The problem is that the phrase «300 gold belts» is not mentioned anywhere else, and gold belts haven't been found in Novgorod excavations either.

I suggest another hypothesis. The «300 gold belts» are the three hundred representatives of Uzbek Khan (1312—1341). The numeric designation indicates a group of elite, which is dominated by the Khan, the Khan being the one who bestows the belts. The practice of giving gold belts occurred at all the Mongolian courts. Gold military belts were the Imperial ritual — the only tool with which the Mongols lined up the power vertical. In Mongolian Iran there was a documented ritual of giving three hundred gold belts; in this case it deals with the representatives of the khan, in the position of authority. Thus, two indirect evidences (Mongolian Imperial ritual and numerous finds of gold belts) allow to insist that the «300 gold belts» is not a rhetorical figure, but a real institution.

Key words: Novgorod, Hanse, «300 gold belts», Uzbek Khan, qurilta, palace ritual, XIV century.